

21 июня 1972 года М.А.Шолохов прислал мне телеграмму: «Прошу Вас приехать в Вешенскую не позже 24 июня для обсуждения некоторых литературных вопросов». Еду. Захватил с собой архивные материалы, в частности письмо М.Горького к А.Фадееву от 3 июня 1931 года, письма командира конного корпуса, а позже командарма Второй Конной Ф.К.Миронова о положении на Дону, другие документы.

Михаил Александрович... Он встречает с удивительно располагающей, доброй улыбкой, даже вроде бы чуть застенчивый. Одет просто, по-домашнему. Сразу замечаешь: высокий лоб, тронутые сединой волосы, открытый, добрый взгляд, свободная поза... Говорит тихим, глуховатым голосом. Есть в нем, этом голосе, какие-то очень нежные, человеческие оттенки — они сразу снимают напряженность. Да, действительно так: все мудрое величественно и просто... Приглашает в кабинет.

— Садитесь... Да вы раздевайтесь: жарко...

Мне кажется, на фотографиях он выглядит старше, чем есть. В нем много от молодости: твердый шаг, выправка, собранность, легкие движения, приподнятое, радостное настроение.

Беседовать с ним интересно и как-то по-особенному легко. У него та редкая одаренность рассказчика, которая поражала многих в Горьком и нравилась, между прочим, самому Михаилу Александровичу — с восхищением отзывался он, когда говорили об этом: «Да, Алексей Максимович был рассказчик необыкновенный...»

Это, я бы сказал, особая культура — увлекательная устная речь. Ею обычно владеют умудренные жизнью, особо наблюдательные, с отличной памятью, образным словом и чувством юмора. Немало таких рассказчиков встречал я среди крестьян.

Михаил Александрович живописно развивает темы: художественные образы, примеры, бытовые картины, меткое слово, шутка — и все это щедрой, сверкающей россыпью. Запас его жизненных историй неисчерпаем. На любой случай. Он как бы мыслит образами, фабулами. Просто поразительно: как много знает о жизни, сколько помнит, как ценит все истинно народное — меткое, образное, с лукавинкой, усмешкой, балагурством.

Память его уникальная — на события, людей, их лица, манеры, жесты, малейшие приметы — на все. Помнит до тонкости случаи пятидесятилетней давности. Видит живых людей той поры, воспроизводит их голоса.

Отсюда — от этой способности наблюдать, запоминать, исходить от непосредственных впечатлений — пластичность шолоховских портретов, сцен, неотразимая достоверность диалогов.

Шолохов всегда с людьми как участник общего живого дела. Рабочий день нагружен предельно. Он многим и многим нужен. Бесперывно — звонки. Вместе со всеми думает о полевых работах, технике для колхозов, рабочей силе, о всех нуждах, неполадках, отвечает на большие и малые запросы.

К нему приходят, чтоб найти справедливость. И находят ее. Секретарь писателя Андрей Зимовнов показывал мне телеграммы депутата Верховного Совета СССР Шолохова — это тоже произведения искусства — по мысли, тону, стилистике... Если будут собраны все эти документы, еще полнее предстанет перед нами большой общественный деятель, коммунист Шолохов, умеющий постоять за правду, за человека, сокрушить бездушие и формализм. Инвалид войны не может почему-то получить положенную ему легковую машину — просит помочь. Работница не поладила с администрацией — просит разобраться. И Шолохов откладывает свои дела, опираясь на депутатские полномочия и личный авторитет, вмешивается, выясняет, стыдит ретивых начальников, наводит порядок.

Наблюдая весь тот круговорот, в котором он — честнейший исполнитель долга перед народом — находится, несмотря на неважное самочувствие, я спросил:

— Тяжело вам, Михаил Александрович. Столько всяких дел. Отнимают время...

Он ответил:

— Ничего... Пока терпимо...

О том, что значит народное бедствие для Шолохова, можно было судить по мучительным волнениям, которые он переживал во время злейшей засухи. Дождей совсем нет.

Температура до сорока и выше. Растрескалась земля. Гибнут хлеба, травы. Сохнут огороды, всех измотала поливка. Заметно обмелел даже Дон. Это было то памятное лето, когда горели торфяники, леса. Висела дымная мгла.

Рано утром Михаил Александрович вел с кем-то большой разговор о бедствии. В кабинет вошел заметно расстроенный. Объяснил:

— Тяжелое у нас настроение. Случилось же такое... Все горит. Решаем вот, как быть...

Садится. Часто затягивается папирсой. На лице — мрачная тень раздумья...

Не может Шолохов иначе... Беда народная — его личная беда. И еще одна особенность: он слишком привязан к земле как прародительнице всего сущего — по-крестьянски, до коленопреклонения. Поэтому когда земная красота превращается в опустошенность и тлен — он воспринимает это бедствие матери-земли с душевным страданием.

А тут еще несчастный случай. На половине дороги в Миллерово разбилась легковая машина. Водитель погиб, женщину, изувеченную, отправили в больницу. Михаил Александрович волнуется, просит секретаря узнать, что это за люди, есть ли дети, куда поместили женщину, как она себя чувствует. И в течение дня снова и снова наводит справки.

Да, удивительно талантлив Шолохов как гуманист. Столько сердечности, неравнодушия, активной воли, когда надо оказать помощь.

9

«...для обсуждения некоторых литературных вопросов». Каких же именно?

Его интересовала дискуссия о «Тихом Доне». Спросил, кто поддерживает новую точку зрения и кто не согласен. Я назвал и тех и других. Он заметил:

— Против больше...

Это вызывало у него недоумение: почему та ограниченность, которую проявила критика тридцатых—сороковых годов, отучившая автора, как он признался, читать статьи о себе самом, повторяется и во второй половине столетия, при иных, вроде бы более благоприятных условиях для свободы суждения? Почему литературоведы, как это было и раньше, не хотят соотнести содержание романа с исторической реальностью? Почему боятся правды даже тогда, когда она уже воссоздана в романе и принята читателями?

Я напомнил Шолохову известные ему факты, когда литераторы более видные, чем критики, допускали непродуманные высказывания — Фадеев, Панферов, Гладков, Березовский, Ставский. Даже А.М.Горький. Показал архивный документ — его письмо А.Фадееву, редактору «Октября». В то время решалась судьба романа — надо ли продолжать публикацию «сомнительного», по мнению редколлегии, произведения, способного якобы в искаженном виде представить Гражданскую войну. Фадеев, чтоб застраховаться, решил заручиться поддержкой. Вот какой ответ последовал на его просьбу прислать отзыв:

«Дорогой тов. Фадеев!

Третья книга «Тихого Дона» — произведение высокого достоинства, на мой взгляд, значительнее второй, лучше сделана.

Но автор, как и герой его, Григорий Мелехов, «стал на грани между двух начал», не соглашаясь с тем, что одно из этих начал, в сущности, конец, неизбежный конец старого казачьего мира и сомнительной «поэзии» этого мира, не соглашается он с этим потому, что сам все еще казак, существо, биологически связанное с определенной географической общностью определенным социальным укладом. Для меня третья часть «Тихого Дона» говорит именно о том, что Шолохов областной писатель, и я думаю, что у нас будут подобные ему — уральские, сибирские и прочих территорий. Будут они до той поры, пока

писатели огромной нашей страны не поднимутся на высоту социалистических художников Страны Советов, не почувствуют себя таковыми, не сознают, что фабрика более человечна, чем церковь, и что хотя фабричная труба несколько портит привычный лирический пейзаж, но исторически необходима именно она, а не колокольня церкви. Значит, дело сводится к перевоспитанию литератора, а оно прежде всего требует очень тактичного и бережного отношения к воспитуемому.

Рукопись кончается 224 стр., это еще не конец. Если исключить «областное» настроение автора, рукопись кажется мне достаточно объективной политически, и я, разумеется, за то, чтоб ее печатать, хотя она доставит эмигрантскому казачеству несколько приятных минут. За это наша критика обязана доставить автору несколько неприятных часов.

«Областное» заставляет автора злоупотреблять речениями, такие словечки, как, например, трюпок, теклина, поверть (описка Горького, должно быть «коловерть». — Ф.Б.), требуют объяснений. Казацкое особенно сильно выражено на стр. 126, 140, 148.

Шолохов — очень даровит, из него может выработаться отличнейший литератор, с этим надобно считаться.

Мне кажется, что практический гуманизм, проявленный у нас к явным вредителям и дающий хорошие результаты, должно проявить и по отношению к литераторам, которые еще не нашли себя.

Жму руку.

3.VI-31 А.Пешков»

Шолохов не предполагал, что существует такой документ. Прочитал, помнится, дважды, принял, разумеется, без восторга: слишком по-разному смотрели он и Горький на казачество и в целом на крестьянство. Особенно обидным было определение — «областной писатель». И, конечно, взгляд на Шолохова как на «воспитуемого», которому «критика обязана доставить... несколько неприятных часов».

Но Шолохов смягчил свое раздражение явно несправедливым содержанием письма, рассказал о том, как Алексей Максимович организовал на своей даче встречу с И.Сталиным. Тогда была решена судьба романа в пользу автора. Горький как бы забыл о своем отзыве. Возможно, к этому времени он получил письмо из Вешенской от 6 июня, где дано было ясное разъяснение всего, что смущало редколлегию журнала, да и самого Горького.

Затем мы вели пространный разговор о рассказывании, политике Донбюро, возглавляемого С.Сырцовым, одобренной Оргбюро ЦК партии во главе с Я.Свердловым. Я спросил:

— Если был узаконен массовый террор в отношении казаков, то не снимает ли это с них вину за восстание в тылу Красной Армии в 1919 году?

Ответ:

— Считаю, что полностью не снимает. Виноваты...

— Но ведь при более осторожной тактике никакого пожара на Дону могло не быть?

— Верхнедонского восстания могло не быть, особенно в такой жесточайшей форме. Но существовала Добровольческая армия Деникина, которая при любых условиях шла на вооруженный конфликт с Москвой. Рассказывание усилило колебания казаков между белыми и красными, сыграло на руку Деникину.

Шолохов любопытен до всего, что содержит исторические сведения, реалии, штрихи. Я показываю ему документы о жизни и судьбе известного участника Гражданской войны Филиппа Кузьмича Миронова. Был он в те годы оклеветан, погиб трагически, в 1960 году реабилитирован. Михаил Александрович прочитал, сказал:

— Очень интересные материалы...

Сочувственно относился он и к другой жертве интриг — Борису Думенко. Сказал:

— Они реабилитированы. Но кто знает об этом?

Я рассказал о том, как неосторожное комментирование литературоведами «Железного

потока» отразилось на репутации командующего моряка И.И. Матвеева и многих таманцев.

В середине беседы Шолохову сообщили, что в Новочеркасске не совсем бережно относятся к казачьему музейному фонду. Он распорядился, обращаясь к секретарю: — Узнайте, что они там придумывают. Скажите им, что я далеко не безразлично отношусь к истории казачества.

Мы беседуем о мемуарной литературе, посвященной войнам — Первой мировой и Отечественной. Шолохов с восторгом отзывается о воспоминаниях Г.К. Жукова. Я спросил, как он относится к зарубежным романам о Первой мировой. Михаил Александрович, как было всегда, на первое место поставил книги Анри Барбюса. Хорошо отозвался о таких романах: Э.Ремарк — «На Западном фронте без перемен», Р.Олдингтон — «Смерть героя», Э.Хемингуэй — «Прощай, оружие!», Ж.Жионо — «Большое стадо». На мой вопрос, кого из классиков писатель ставил себе в образец, Шолохов называет прежде всего Пушкина, Гоголя, Л.Толстого, Лескова, Чехова, Бунина. Из советских прозаиков высоко ценит М.Горького, А.Толстого, Сергеева-Ценского, Леонова, Сейфуллину, Фадеева. В отношении к «Брускам» Панферова остался неизменным тому мнению, которое высказал в полемической статье 1934 года «За честную работу писателя и критика», но прибавил еще одно существенное замечание: что дело не только в языковой небрежности — нельзя так изображать наше крестьянство (имеются в виду прежде всего те надуманные эпизоды необузданной, дикой стихийности масс, которыми увлекся автор в третьей книге).

Спрашивал я, интересовался ли Михаил Александрович формальной школой в литературоведении (В.Шкловский, Ю.Тынянов, Б.Эйхенбаум, Б.Томашевский), поскольку ее деятельность как раз совпадает с началом творчества писателя.

Шолохов ответил, что знал этих теоретиков, особенно В.Шкловского, но какой-то пользы для себя не ощутил. В самом же подходе к художественному творчеству как к «сумме приемов» таится опасность, потому что возникает представление, будто литература не такое уж сложное дело, усвой лишь «приемы». И получатся, что писать может каждый, зная жизнь вроде бы совсем не обязательно.

Из западной литературы Шолохов, по его словам, ценил всегда старую, особенно Стендаля — «Красное и черное». С уважением относится к К.Гамсуну, Б.Шоу, Г.Уэллсу, Дж.Голсуорси, А.Моруа.

Шолохов — за искусство чистой, ясной, богатой формы, народной в своей основе, он убежден, что классика до сих пор остается образцом совершенства. За прямой, честный, открытый разговор о качестве, за принципиальную и деловую критику, без групповой суевы и позорной предвзятости, без оглядки на личность и положение.

Вспоминает, как однажды Горький попросил прочитать рукопись романа «Жизнь Клима Самгина».

— Согласился с удовольствием. Прочитал. Встретились побеседовать. Сказал, что думал: богатое содержание, прекрасная эрудиция, отличное знание времени, фактов, но все слишком рассыпано, нет сюжетной стройности...

— Не обиделся?

— Нет. Промолчал.

Эта черта — не обижаться на критику, если в ней есть здоровое, — была не только у А.М. Горького, но и у самого Шолохова.

Когда я привел ему те места из «Тихого Дона», которые отметил при чтении Горький как стилистические погрешности, Михаил Александрович очень внимательно отнесся к каждому замечанию. Они касались в основном диалектной лексики — «трюпком», «теклина», «коловерть», «Леса, пронзительно брунжа, зачертила воду», «И конь его запохаживался больше на вьючное животное», «Остановившись против Дуняшки, оранул», «Григорий раскрытым ртом хлебал воздух», «чикиляя» (хромая), «С гористой отжины обдонского отрога», «голызинами бугра» и некоторые другие.

Шолохов с конкретными примерами не согласился. «Трюпком» — ходовое слово среди крестьян (лошадь идет трюпком, не быстро), «теклина», «коловерть», «оранул», «отножина», «голызины» имеют прозрачную этимологию, нисколько не затрудняют понимание.

— Но строгость отбора, — заметил Шолохов, — должна быть. В этом Горький прав. И я стараюсь избавиться от некоторых слов слишком ограниченного употребления.

Задаю вопрос:

— У вас в первой редакции, где описана тайная встреча Григория и Аксиньи на огороде в подсолнухах, было: «Пригинаясь, забралась в самую гущину, измазала лицо золотистой цветковой пылью; подбирая юбку, присела на расшитую повитью землю». В последней редакции вместо «пригинаясь» появилось — «пригибаясь» (2,79). Нельзя ли было сохранить первый вариант? Я сужу по говору саратовских крестьян, там «пригинаясь» — распространенное слово, отмечено В.И. Далем в его словаре.

Шолохов поразмышлял, проверил на слух, потом сказал, что лучше все-таки «пригибаясь».

Критику Михаил Александрович принимал. Но не терпел никаких похвал в свой адрес. Пришлось наблюдать, как он в эти минуты начинал нервничать, хмуриться, прекращал разговор, видно было, что это ему не по душе.

ч

И постоянные думы его о природе.

Я спросил, сохранилась ли первозданность мест, описанных в «Тихом Доне»?

«Вызрел ковыль. Степь на многие версты оделась колышущимся серебром. Ветер упруго принимал его, наплывая, шершавил, бутрил, гнал то к югу, то к западу сизо-опаловые горы» (4,63).

И еще: «Пантелей Прокофьевич... случайно глянул на музгу и увидел в прозрачной стоячей воде темные спины крупных сазанов, плававших так близко от поверхности, что были видны их плавники и шевелящиеся багряные хвосты» (5,234).

Михаил Александрович ответил с огорчением:

— Нет... Все стало не таким... Не умеем беречь природу, ее чудесную флору и фауну.

Хотя бы о заповедниках поостороже думали... Сколько надо сил, чтоб каждый раз убеждать в этом наших правителей, сидящих сверху и на местах.

В Шолохове воплотились лучшие черты нашего народа. Он умел слушать людей, уважать, понимать. Его характер сложился под влиянием общительного отца и очень доброй матери. Он как бы обладал магнетизмом. Расставаться с ним после бесед очень трудно. ...Прошел по земле чудесный человек.

Вскоре пришлось обмениваться мнениями по телефону о пришедшей из-за рубежа вести о плагиате. В новом ее варианте Михаил Александрович на мой вопрос ответил:

— Да, знаю. Слышал...

По бодрому настроению, усмешке было ясно, что он нисколько не удручен. Увидел в этом еще одну попытку преподнести сенсацию: подлинный автор — Крюков. Честные исследователи отвергли такое открытие. Например, группа норвежских и шведских ученых, возглавляемая профессором Г.Хетю, нашла свои способы опровержения. И это делает им честь.

Никто из грамотных читателей не принял бредовые «доказательства» тех «специалистов», которые на поверку не читали по-настоящему ни Шолохова, ни Крюкова, ничего не знали об их политических взглядах, творческом пути и, конечно, о художественном слове того и другого. Провокация очень скоро, как и предполагал Шолохов, провалилась. С большим позором для ее изобретателей. Шолохов остался Шолоховым.

http://www.sovross.ru/2005/70/70_3_7.htm

